

Ян Рамсес

Анатомия Души

18+

Ян Рамсес

Анатомия Души

«Автор»

2026

Рамсес Я.

Анатомия Души / Я. Рамсес — «Автор», 2026

Два близнеца. Один выбор. Шесть лет, которые изменяют всё. Сеня и Кира Волковы поступают в медицинский университет вместе. Кира — яркая, уверенная, всегда на шаг впереди. Она учится легко, умеет отделять себя от чужой боли. Становится звездой потока, девушкой, на которую равняются. Сеня — тихий, чувствующий слишком глубоко. Не может выкинуть из головы татуировку на руке мёртвого человека. Не спит после первой смерти пациента. Ищет смысл там, где другие видят протоколы. Между братом и сестрой — анатомичка с запахом формалина. Философия, где задают вопросы без ответов. Больница, где учатся тому, чего нет в учебниках: как быть рядом с теми, кто умирает. Это история не о том, как стать врачом. Это история о том, как остаться человеком, когда профессия требует забыть, что ты человек. О выборе между эмпатией и цинизмом. О трещинах, которые не заживают. О том, что медицина — это не наука о теле. Это искусство быть рядом. "Анатомия души" — роман о том, что значит лечить. И что значит любить.

© Рамсес Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	55
Глава 7	66
Г	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ян Рамсес

Анатомия Души

Глава 1

Глава первая. Прибытие

Поезд пришёл утром, и Сеня сразу понял: здесь будет жарко. Ещё не выйдя из вагона, он почувствовал это — воздух был тяжёлый, плотный, как одеяло. Он посмотрел в окно: город жёлтый от солнца, пыльный, шумный. На перроне толпились люди — кто-то встречал с цветами, кто-то тащил чемоданы, кто-то просто стоял и курил, глядя на прибывающих студентов.

Кира уже была готова. Она сидела на краю нижней полки, смотрела в телефон, ноги болтались — она всегда спешила, даже когда спешить было некуда. Сеня посмотрел на неё и подумал: она даже в поезде выглядит так, будто уже знает, что будет делать в этом городе. А он не знал.

— Поехали, — сказала она, вставая и перебрасывая рюкзак через плечо.

Сеня взял свою сумку. Тяжёлую — мать напихала туда всего: банки с вареньем, полотенца, простыни, даже подушку. Он не говорил, что это лишнее, что в общежитии всё это не понадобится. Мать всё равно бы не услышала. Она стояла на перроне, махала рукой, и он видел, как она плачет, но делала вид, что это от ветра.

Они вышли на привокзальную площадь. Жара ударила в лицо, как ладонью. Сеня прищурился — солнце слепило, асфальт дрожал, и казалось, что город плавится. Вокруг гудели машины, кричали таксисты, пахло выхлопными газами и чем-то сладким — может, выпечкой из ларька.

— Трамвай? — спросила Кира, оглядываясь.

— Да.

Они нашли остановку. Ждали десять минут. Кира смотрела в телефон, Сеня — на дорогу. Когда трамвай пришёл, внутри было полно людей — в основном студентов с такими же сумками, как у них. Кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то просто стоял, прижавшись к окну.

Сеня протиснулся внутрь, Кира за ним. Они встали у двери, прижав сумки к себе. Трамвай дёрнулся и поехал — медленно, скрипя, останавливаясь на каждом углу. За окном мелькал город: старые двухэтажные дома с балконами, деревья, пыльные от жары, магазины с вывесками, которые Сеня не успевал прочитать. Он смотрел и думал: вот оно. Началось.

Кира молчала. Она смотрела в окно, и Сеня видел в стекле её отражение — сосредоточенное, серьёзное. Она не волновалась. Она никогда не волновалась. По крайней мере, так казалось.

Через полчаса они вышли. Перед ними возвышалось здание — пятиэтажное, из жёлтого кирпича, с облезшей краской на окнах. Общага. Рядом стояли старые велосипеды, курили студенты, кто-то сидел на лавочке с гитарой.

— Ну, пойдём, — сказала Кира, таща сумку к входу.

В холле была очередь. Студенты стояли с документами, заполняли какие-то бумаги, ругались, что душно. Сеня встал в очередь, Кира — рядом. Она уже успела познакомиться с двумя девушками из очереди, смеялась над чем-то, и Сеня почувствовал укол зависти. Она всегда так — сразу вписывается, сразу своя. А он стоит и смотрит в пол.

Когда они подошли к коменданту, та посмотрела на их документы, потом на них самих.

— Близнецы? — спросила она.

— Да, — сказала Кира.

— Понятно. Только жить вы будете в разных комнатах. Он — на третьем этаже, комната сто двенадцать. Она — на четвёртом, комната четырнадцать.

Сеня посмотрел на Киру. Она нахмурилась.

— А нельзя вместе?

— Нельзя. Мальчики — отдельно, девочки — отдельно. Правила.

Кира вздохнула, но не стала спорить. Она повернулась к Сене:

— Ну, увидимся вечером. Ладно?

— Ладно.

— Не теряйся. И не забудь, что завтра в восемь утра — собрание потока.

— Не забуду.

Она взяла свой ключ, помахала ему рукой и пошла к лестнице. Сеня смотрел, как она поднимается — быстро, уверенно, не оглядываясь. Потом повернулся и пошёл на третий этаж.

Лестница скрипела под ногами. На втором этаже кто-то готовил — пахло жареным луком. На третьем — тишина, только где-то за дверью тихо играла музыка.

Комната сто двенадцать оказалась маленькой. Три кровати, три стола, три стула. Окно выходило во двор, где курили студенты и стояли старые велосипеды. На одной кровати сидел парень, листал учебник. На другой — спал кто-то, укрывшись простынёй.

— Привет, — сказал Сеня.

Парень поднял голову. Круглое лицо, очки, добрые глаза. Он закрыл учебник — Сеня успел заметить, что это анатомия.

— Привет. Ты, наверное, Волков?

— Да.

— Я Максим Тарасов. — Он протянул руку. — А это, — он кивнул на спящего, — Игорь Савельев. Он с дороги устал, только час назад заснул.

Сеня пожал ему руку. Максим был крепкий, немного полноватый, но не толстый — скорее, как человек, который любит поесть, но не теряет форму. Очки в толстой оправе, волосы коротко стрижены.

— Ты откуда? — спросил Максим.

— Да так, издалека.

— А, понятно. Я вот из Сальска. Это небольшой город, ты, может, не слышал.

— Слышал, — соврал Сеня. На самом деле он не слышал, но не хотел обижать.

— А ты в каком корпусе учишься? — продолжил Максим.

— В первом. Медфак.

— О, и я! Мы, получается, однокурсники?

— Похоже на то.

Максим улыбнулся.

— Круто. Я думал, меня одного из нашей области сюда отправили. А тут ещё кто-то свой.

Сеня поставил сумку у свободной кровати. Разложил вещи: книги, тетради, одежду. Материнское варенье поставил на подоконник. Кружку с надписью "Лучший врач мира" — на стол.

Максим смотрел на него.

— Это что, от мамы?

— Да.

— Мило. У меня тоже есть подарок от мамы, — он открыл тумбочку, достал банку. — Варенье из вишни. Она сказала, что в общежитии кормят плохо.

Сеня улыбнулся.

— У меня тоже варенье. Только абрикосовое.

— А, южное? Это круто. Давай потом поменяемся?

— Давай.

Они помолчали. Потом Максим спросил:

— Ты чего такой тихий? Волнуешься?

— Немного.

— Я тоже. Но знаешь, что самое страшное?

— Что?

— Анатомичка. Мне старшие курсанты рассказали. Там трупы. Настоящие. Мы будем их резать.

Сеня почувствовал, как желудок сжался.

— Я знаю.

— И ничего, не страшно?

— Страшно. Но я хочу быть врачом. Значит, надо.

Максим кивнул.

— Я тоже хочу. Только я не знаю, получится ли. Я не такой умный, как некоторые.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я учился средне. А тут все, наверное, гении.

— Я тоже не гений, — сказал Сеня.

— А сестра твоя, я видел, уже на четвёртом этаже?

— Да. Близнецы.

— Круто. Я всегда хотел брата или сестру.

Сеня улыбнулся. Максим был простой, добрый, немного неуклюжий. Сеня понял, что они подружатся.

— А Игорь откуда? — спросил он, кивая на спящего.

— Не знаю ещё. Он вчера поздно приехал, мы толком не поговорили. Но он нормальный, кажется.

Сеня посмотрел на Игоря. Тот спал, укрывшись с головой. Лицо было худое, загорелое, волосы тёмные. Он выглядел старше их — может, ему было двадцать, а не восемнадцать.

— А ты кем хочешь быть? — спросил Максим.

— Кем?

— Ну, врачом — это понятно. А кем именно? Хирургом? Терапевтом?

Сеня задумался. Он не думал об этом.

— Не знаю. Ещё не решил.

— А я хочу педиатром, — сказал Максим. — Я люблю детей. Мне кажется, с ними проще. Они не врут.

— Может быть, — сказал Сеня. — А может, просто не умеют врать.

Максим засмеялся.

— Ты философ, что ли?

— Нет. Просто думаю.

Они разговорились. Максим рассказал, что его отец — учитель физики, мать — библиотекарь. Что он всегда хотел быть врачом, но не верил, что поступит. Что готовился к экзаменам сам, без репетиторов. Что боится, не справится.

Сеня слушал и думал: мы похожи. Оба сомневаемся. Оба боимся. Только Кира не боится. Или делает вид.

Вечером, когда Игорь проснулся — высокий, молчаливый, с тяжёлым взглядом — они втроём пошли смотреть университет. Кира ждала их у входа — уже успела переодеться, накра-ситься, выглядела так, будто собралась не в университет, а на свидание. Рядом с ней стояла девушка — блондинка, смеялась, что-то рассказывала.

— Это Лера, — сказала Кира, когда они подошли. — Мы познакомились в очереди. Она тоже на первом курсе.

Лера улыбнулась Сене.

— Привет. Ты Кирий брат?

— Да.

— Круто. Вы такие похожие.

Сеня не знал, что ответить. Он не чувствовал, что похож на Киру. Она была яркая, громкая, уверенная. А он — тихий, незаметный.

— Пойдём, — сказала Кира. — Я хочу увидеть, где мы будем учиться.

Они пошли. Вдоль здания, мимо других студентов, которые тоже гуляли, курили, смеялись. Главное здание университета возвышалось перед ними — с колоннами, высокими окнами, тяжёлой деревянной дверью. Оно казалось огромным. И старым. И немного пугающим.

— Вот, — сказала Кира. — Мы здесь.

Сеня посмотрел на здание. Подумал: это место изменит нас. Я не знаю как, но изменит.

Он был прав.

Они стояли и смотрели на университет. Кира говорила что-то о том, как она будет учиться, какие предметы будет посещать, с какими профессорами познакомится. Лера поддакивала, смеялась. Максим молчал, смотрел на здание с уважением. Игорь — с безразличием.

Сеня слушал вполуха. Он смотрел на окна третьего этажа — там, за одним из них, будет анатомичка. Он уже знал это. Ему сказали об этом в поезде другие студенты.

— Ты чего молчишь? — спросила Кира, заметив его взгляд.

— Думаю.

— О чём?

— О том, что будет.

Она посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Будет нормально. Мы справимся.

— Да, — сказал он. — Справимся.

Но внутри он не был уверен. Он смотрел на здание, на окна, на тёмные коридоры, которые виднелись за стеклом, и думал: я не знаю, готов ли я к этому.

Кира взяла его за руку. Сжала.

— Мы вместе, — сказала она. — Помнишь?

— Помню.

Они постояли ещё немного. Лера и Максим о чём-то шутили. Игорь курил, смотрел в сторону. Потом пошли обратно в общагу. Кира — на четвёртый этаж, Сеня — на третий.

В комнате Максим уже спал. Игорь сидел на кровати, курил у открытого окна.

— Можно? — спросил он, кивая на окно.

— Да, — сказал Сеня. — Только не буди Максима, он устал.

Игорь кивнул.

— Я тоже устал.

Они помолчали. Потом Игорь спросил:

— Ты правда хочешь быть врачом?

— Да.

— А зачем?

Сеня посмотрел на него. Вопрос был простой, но в нём было что-то тяжёлое.

— Не знаю. Наверное, хочу помогать.

— Помогать кому?

— Людям.

Игорь усмехнулся.

— Люди неблагодарные.

— Может быть. Но я всё равно хочу.

Игорь посмотрел на него долго. Потом потушил сигарету.

— Ладно. Спи. Завтра рано вставать.

Сеня разделся, лёг на кровать, посмотрел в потолок. Соседи храпели. Где-то за стеной смеялись. В окне горел жёлтый свет — фонарь во дворе.

Он думал о Кире. О том, что она на этаже выше, но теперь они не вместе. О том, что завтра начнётся учёба. О том, что он не знает, готов ли он. О Максиме, который тоже боится. Об Игоре, который спрашивает "зачем". О Кире, которая не боится.

Он закрыл глаза. Засыпая, подумал: это только начало.

И он был прав.

Глава 2

Глава вторая. Анатомичка

Сеня не спал всю ночь.

Он лежал на кровати, смотрел в потолок, слушал, как храпит Максим, как за стеной кто-то кашляет, как где-то далеко хлопает дверь. В голове крутилось одно: завтра анатомичка. Завтра он увидит мёртвого человека. Не на картинке в учебнике, не в фильме. А настоящего. Того, кто когда-то дышал, ел, смеялся, любил. А теперь будет лежать на столе, и они будут его резать.

Он перевернулся на бок, посмотрел в окно. За стеклом — темнота, только фонарь во дворе горит жёлтым светом. Где-то далеко лает собака. Сеня закрыл глаза, но сон не шёл. Он встал, включил настольную лампу, открыл учебник анатомии.

Читал про мышцы груди, про рёбра, про грудную клетку. Но слова не складывались в смысл. Он смотрел на рисунки и думал: это всё было внутри кого-то. Это всё держало кого-то живым. Вот здесь — сердце. Оно билось. Вот здесь — лёгкие. Они дышали. А теперь это просто ткань. Мёртвая ткань.

Он провёл пальцем по рисунку сердца. Подумал: чьё это было сердце? Кто его любил? Кто плакал, когда оно остановилось?

Максим заворочался на кровати, пробормотал что-то во сне. Сеня выключил лампу, лёг обратно. Не заснул. Просто лежал и смотрел в потолок, пока не рассвело.

В шесть утра телефон завибрировал. Кира.

— Ты не спишь? — её голос был бодрым, как будто она уже встала, умылась, приготовилась.

— Нет.

— Я тоже. Волнуешься?

— Немного.

— Зря. Это просто ещё одна лекция. Ну, может, немного другая.

Сеня хотел сказать: "Не просто другая. Там трупы. Там будут резать мёртвого человека." Но не сказал. Кира не любила, когда он нагнетает. Она всегда говорила: "Не думай заранее. Когда придёт время — разберёмся." А он не мог не думать. Он думал всегда. Слишком много.

— Ты готов? — спросила она.

— Да.

— Я тоже. Встретимся в семь тридцать в столовой?

— Да.

— Ладно. До встречи.

Она отключилась. Сеня посмотрел на телефон. Подумал: она не волнуется. Или делает вид. Или умеет прятать это так хорошо, что никто не видит. А он не умеет. Он всегда показывает. Даже когда не хочет.

Он продолжил читать учебник. Но слова плыли перед глазами. Он закрыл книгу, выключил лампу, лёг обратно. Не заснул. Просто лежал и смотрел в потолок, пока не рассвело. Пока за окном не начали петь птицы. Пока не пришло время вставать.

В семь тридцать они встретились в столовой.

Столовая была большая, шумная, пахло кашей и кофе. Студенты сидели за длинными столами, говорили громко, смеялись. Сеня не любил столовые — слишком много людей, слишком много шума. Он предпочитал тишину. Но Кира любила шум. Она говорила: "В тишине слишком хорошо слышно свои мысли."

Она уже сидела за столиком у окна, пила кофе, листала конспект. Выглядела так, будто спала всю ночь и проснулась свежей. На ней была белая блузка, тёмные брюки, волосы собраны в хвост. Она всегда выглядела собранной, даже в шесть утра. Даже когда не спала.

Сеня сел напротив. Положил перед собой учебник, тетрадь, ручку.

— Ты не ешь? — спросила Кира, кивая на его пустую тарелку.

— Не хочется.

— Нужно поесть. Там долго стоять будешь.

— Я потом.

— Ты всегда говоришь "потом". А потом не ешь.

— Сегодня поем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты правда в порядке?

— Да.

— Ты всегда говоришь "да", когда это значит "нет".

Сеня пожал плечами.

— Просто не спал.

— Из-за анатомички?

— Да.

Она вздохнула. Положила ручку, закрыла конспект.

— Сеня, это нормально. Все волнуются. Но ты не должен так переживать. Это просто тело. Оно уже не живое. Оно не чувствует. Не болит. Это просто... материал.

— Я знаю.

— Тогда почему ты такой бледный?

Он не ответил. Она посмотрела на него ещё раз, потом встала.

— Ладно. Пойдём. Лекция через полчаса.

Они вышли из столовой. Утро было жарким, даже в семь утра воздух был тяжёлым, плотным. Солнце уже пекло, асфальт дрожал. Сеня чувствовал, как рубашка прилипает к спине. Кира шла быстро, уверенно, он — за ней, пытаясь не отставать.

По дороге они молчали. Сеня смотрел на деревья — пышные, зелёные, живые. Думал: они не знают, что такое смерть. Они просто растут. А мы знаем. И поэтому боимся.

В коридоре третьего этажа уже толпились студенты.

Кто-то курил у окна, кто-то листал конспекты, кто-то просто стоял и молчал. Все выглядели напряжёнными. Даже те, кто обычно шутил и смеялся. Сеня увидел Максима.

— Привет, — сказал Максим. Он тоже выглядел бледным. Под глазами — тёмные круги.
— Ты спал?

— Нет.

— Я тоже. Слушай, а правда, что там трупы?

— Да.

— И мы будем их резать?

— Да.

Максим сглотнул.

— Я не знаю, смогу ли я. Мне кажется, меня сейчас вырвет.

— Сможем, — сказал Сеня. — Мы же врачи.

Максим усмехнулся.

— Пока ещё нет.

— Скоро будем.

— Если доживём.

Сеня посмотрел на него. Максим улыбался, но в глазах был страх. Сеня понял: он не один боится. Все боятся. Просто по-разному. Кто-то молчит. Кто-то шутит. Кто-то курит. А кто-то — как Сеня — не спит всю ночь.

Лекция должна была начаться в восемь. В восемь десять в аудиторию вошла Ильина.

Она была высокая, худая, в белом халате. Волосы седые, собраны в пучок. Лицо строгое, без морщин, но с глубокими складками у рта — как будто она всю жизнь либо сжимала губы, либо говорила что-то резкое. Она не здоровалась. Не открывала журнал. Просто встала за кафедру и посмотрела на аудиторию.

Минуту. Две. Три.

Студенты затихли. Кто-то перестал листать тетрадь. Кто-то убрал телефон. Кто-то откашлялся. Сеня почувствовал, как сердце бьётся быстрее. Он посмотрел на Киру — она сидела прямо, смотрела на Ильину, не моргая. Как всегда.

— Медицина, — сказала Ильина, — это не призвание.

Она сделала паузу. Обвела аудиторию взглядом.

— Это приговор.

Она посмотрела прямо на Сеню. Ему показалось, что она смотрит именно на него, хотя, конечно, она смотрела на всех.

— Кто не готов — уходите сейчас. Я не буду тратить время на тех, кто передумает через месяц.

Никто не встал.

Она кивнула.

— Хорошо. Тогда слушайте.

Она говорила двадцать минут. Голос ровный, без эмоций. О том, что анатомия — это фундамент. Что без знания тела нельзя понять болезнь. Что они будут изучать мёртвых, чтобы лечить живых. Что каждый препарат — это человек, который отдал своё тело науке. Что они должны уважать это.

— Но, — сказала она, — вы должны понять одну вещь.

Она сделала паузу.

— То, что лежит на столах — это не человек. Это препарат. Запомните это. Если вы будете видеть в каждом трупе человека — вы не сможете работать. Вы сломаетесь.

Сеня сглотнул.

— Поэтому, — продолжила Ильина, — вы научитесь отделять. Вы научитесь видеть не человека, а систему. Органы, ткани, клетки. Механизм. Поняли?

Она посмотрела на аудиторию.

— Поняли?

— Да, — пробормотали студенты.

— Громче.

— Да!

— Хорошо. Тогда пойдёмте.

Она повернулась, пошла к двери. Студенты поднялись, пошли за ней. Сеня шёл в середине потока, рядом с Максимом. Кира — впереди, она всегда шла впереди.

Они спустились на первый этаж, прошли по длинному коридору, остановились перед тяжёлой металлической дверью. На ней висела табличка: "Анатомический театр. Вход только в халатах".

Ильина открыла дверь.

Запах ударил первым.

Сладковатый, тошнотворный, въедающийся. Формалин, смешанный с чем-то ещё — может, со старым деревом, может, с чем-то органическим, что Сеня не хотел узнавать. Он почувствовал, как желудок сжался, как к горлу подступила тошнота. Он сглотнул, сделал шаг внутрь.

Вдоль стен стояли столы. На столах — тела. Накрытые простынями, но он видел: это люди. Мужчины, женщины, старые, молодые. Все они когда-то жили. Дышали. Любили. А теперь лежали здесь, чтобы студенты могли их резать.

Сеня остановился. Не мог двигаться.

Ильина подошла к одному из столов, откинула простыню. Обнажился торс — мужской, бледный, с татуировкой на плече. Якорь. Сеня смотрел на татуировку и думал: кто ты? Кем ты был? Может, моряком? Может, просто любил море? Любила ли тебя кто-нибудь? Скучал ли кто-нибудь, когда ты умер?

— Это ваш первый препарат, — сказала Ильина. — Вы будете изучать его весь семестр. Вы узнаете о нём больше, чем он сам знал о себе при жизни.

Она посмотрела на студентов.

— Подойдите ближе.

Никто не двигался.

— Ближе, — повторила она.

Студенты подошли. Сеня — последним. Он стоял в заднем ряду, смотрел через плечи других. Видел бледную кожу, тёмные вены, татуировку-якорь. Руки у трупа были сложены на груди. Ногти длинные, тёмные. Сеня подумал: он не успел их постричь.

— Волков, — сказала Ильина. — Подойди.

Сеня замер.

— Ближе.

Он сделал шаг. Ещё один. Ещё один. Теперь он стоял прямо у стола. Видел каждую деталь: морщины на коже, шрам на груди, тёмные ногти. Запах формалина был таким сильным, что глаза слезились.

— Смотри, — сказала Ильина. — Это грудная клетка. Рёбра. Грудина. Межрёберные мышцы. Запомни.

Она взяла скальпель, сделала первый разрез. Кожа разошлась, как бумага. Сеня увидел мышцы, жир, кровь — тёмную, почти чёрную. Его затошнило. Он отвернулся, сделал шаг назад.

Ильина посмотрела на него.

— Ты не можешь так реагировать на каждого, — сказала она. — Это не человек. Это препарат. Запомни это.

Сеня кивнул. Не мог говорить.

— Вернись, — сказала она. — Смотри.

Он вернулся. Смотрел. Пытался видеть не человека, а систему. Органы, ткани, клетки. Механизм. Не получалось. Он видел человека. Того, кто когда-то смеялся, любил, жил. А теперь лежал здесь, разрезанный, мёртвый.

Лекция длилась два часа. Ильина показывала, объясняла, задавала вопросы. Студенты записывали, рисовали, спрашивали. Сеня стоял, смотрел, пытался не думать о том, что это человек. Не получалось.

Когда лекция закончилась, он вышел из анатомички первым.

На улице его затошнило.

Он наклонился над урной, но его не вырвало. Просто стоял, дышал тяжело, пытался успокоиться. Руки дрожали. Он посмотрел на них — длинные, тонкие пальцы. Те самые, которые хвалят хирурги. Сейчас они дрожали, как у больного.

— Ты в порядке?

Кира. Она стояла рядом, смотрела на него.

— Да, — сказал он.

— Не похоже.

— Просто... запах.

— Да, запах ужасный. Но ты привыкнешь.

Он посмотрел на неё. Она была спокойна. Лицо ровное, голос ровный. Как будто только что не стояла над мёртвым человеком, которого резали скальпелем. Как будто это был обычный день.

— Тебе не страшно? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Потому что это не человек. Это препарат. Ильина права. Если ты будешь видеть в каждом трупe человека — ты не сможешь работать.

— А ты не видишь?

— Нет.

— А я вижу.

Она посмотрела на него. Долго.

— Вот поэтому ты не должен так реагировать на каждого, — сказала она. — Это только начало. Если ты будешь так реагировать на каждый труп, на каждого пациента — ты сломаешься.

— А ты не сломаяешься?

— Нет. Потому что я умею отделять.

— А я не умею.

— Тогда научись.

Она взяла его за руку. Сжала.

— Мы вместе, — сказала она. — Помнишь?

— Помню.

— Мы справимся.

— Да, — сказал он. — Справимся.

Но внутри он не был уверен. Он смотрел на здание университета, на окна, за которыми была анатомичка, и думал: я не знаю, смогу ли я отделять. Я не знаю, смогу ли я видеть не человека, а систему.

Он посмотрел на Киру. Она уже шла обратно в университет, быстро, уверенно. А он стоял, смотрел ей в спину и думал: она уже отделила себя. А я не могу.

И он не знал, хорошо это или плохо.

Вечером он сидел в комнате, смотрел в окно.

Максим читал учебник, иногда что-то записывал в тетрадь. Игорь курил у окна, смотрел на двор. За окном темнело, фонари зажигались один за другим. Где-то далеко играла музыка.

— Как анатомичка? — спросил Максим, не отрываясь от книги.

— Нормально, — сказал Сеня.

— Страшно?

— Немного.

Максим кивнул.

— Мне тоже. Я думал, меня вырвет. Но держался.

— Молодец.

— А ты?

— Я тоже.

Игорь повернулся от окна.

— Вы что, правда хотите быть врачами? — спросил он.

— Да, — сказал Максим.

— А зачем?

Сеня посмотрел на него.

— Хочу помогать.

— Помогать кому?

— Людям.

Игорь усмехнулся.

— Люди неблагодарные.

— Может быть. Но я всё равно хочу.

Игорь посмотрел на него долго. Потом потушил сигарету.

— Ладно. Спи. Завтра рано вставать.

Сеня лёг на кровать, посмотрел в потолок. Думал о трупке. О татуировке-якорю. О том, кто он был. Думал о Кире, которая умеет отделять. Думал о себе, который не умеет.

Засыпая, подумал: это только начало.

И он был прав.

Глава 3

Глава третья. Лестничный

Философию поставили на среду, на вторую пару. Сеня узнал об этом ещё в понедельник, когда получил расписание. Он посмотрел на строчку "Философия" и подумал: ну наконец-то, хоть что-то, где не нужно резать трупы.

Он представлял себе скучного преподавателя в очках, который будет читать по учебнику про Канта и Гегеля, пока студенты спят или сидят в телефонах. Он думал: можно будет расслабиться, посидеть на задней парте, порисовать в тетради.

Он ошибался.

В среду утром Сеня проснулся раньше, чем обычно. Не потому что волновался — просто не мог уснуть. Думал о трупе. О татуировке-якоре. О том, кто он был.

Максим уже встал, одевался.

— Ты идёшь на философию? — спросил он.

— Да.

— Я тоже. Говорят, там препод странный.

— Странный как?

— Не знаю. Старшие курсанты говорят, он не читает по учебнику. Говорит что-то своё.

— И это плохо?

— Не знаю. Может, интересно. А может, скучно.

Сеня пожал плечами.

— Посмотрим.

Они пошли в университет. Утро было прохладным — редкость для этих мест. Воздух был свежим, деревья пахли влагой. Сеня вдохнул глубоко — впервые за несколько дней не пахло формалином.

В коридоре они встретили Киру. Она стояла с Лерой, о чём-то смеялись.

— Привет, — сказала Кира. — Ты на философию?

— Да.

— И я. Говорят, там какой-то философ-хиппи.

— Хиппи?

— Ну, знаешь, такой тип. Свободомыслящий. Бунтарь.

Сеня усмехнулся.

— В медицинском?

— Бывает. Лера говорит, что он ведёт себя странно.

Лера кивнула.

— Мой брат на втором курсе, он говорит, что этот Лестницкий — самый интересный препод в университете. Но самый странный.

— Почему странный? — спросил Сеня.

— Не знаю. Брат не объяснил. Просто сказал: "Странный, но интересный."

Кира посмотрела на часы.

— Ладно, пойдём. Лекция через десять минут.

Они пошли к аудитории. Сеня шёл рядом с Максимом, Кира и Лера — впереди. Они говорили о чём-то своём, смеялись. Сеня слушал вполуха. Думал о том, что его ждёт.

Аудитория была большая, с амфитеатральной посадкой. Студенты рассаживались, шелестели тетрадами, переговаривались. Сеня сел в третьем ряду — не на последней парте, но и не впереди. Кира села рядом.

— Ты почему не впереди? — спросила она.

— Не люблю сидеть впереди.

— Почему?

— Не знаю. Там слишком заметно.

— А мне нравится быть заметной.

— Я знаю.

Она усмехнулась.

— Ты слишком тихий, Сеня.

— Может, мне и нравится быть тихим.

— Нет. Тебе не нравится. Ты просто не умеешь быть другим.

Он не ответил. Она была права. Он не умел быть другим. Он был тем, кто был. Тихим. Незаметным. Наблюдающим.

В восемь тридцать в аудиторию вошёл Лестницкий.

Сеня сразу заметил его — не потому что он был громким или ярким, а потому что он был... другим. Худой, высокий, в свитере с высоким воротом — сером, немного растянутом. Джинсы потёртые, кеды старые. Волосы тёмные, с седыми висками. Лицо — узкое, с глубокими глазами, которые смотрели так, будто видели тебя насквозь.

Он не здоровался. Не открывал журнал. Просто встал за кафедру и посмотрел на аудиторию.

Минуту. Две. Три.

Студенты затихли. Кто-то перестал листать тетрадь. Кто-то убрал телефон. Кто-то откашлялся. Сеня почувствовал, как сердце бьётся быстрее.

Лестницкий молчал. Смотрел. Как будто считал кого-то. Или выбирал.

Потом сказал:

— Поднимите руку те, кто боится умереть.

Тишина.

Никто не поднял руку. Студенты переглядывались, не понимая, что происходит.

Лестницкий повторил:

— Поднимите руку те, кто боится умереть.

Никто не поднял.

Он кивнул.

— Хорошо. А теперь поднимите руку те, кто боится, что умрёт неправильно.

Пауза.

Несколько рук поднялись неуверенно. Сеня не поднял. Но почувствовал: это про него. Он боялся не смерти. Он боялся, что умрёт неправильно. Что его жизнь не будет иметь смысла. Что он умрёт, и никто не поймёт, зачем он жил.

Лестничский посмотрел на поднятые руки.

— Вот. Вы боитесь не смерти. Вы боитесь, что она будет бессмысленной. Что вы умрёте, и никто не поймёт, зачем вы жили.

Он сделал паузу.

— И вы — будущие врачи — будете стоять рядом с людьми, которые умирают. И они будут смотреть на вас и спрашивать: "Доктор, а зачем? Зачем всё это?" И вы должны будете ответить. Не словами. А тем, как вы будете рядом.

Он посмотрел на аудиторию.

— Вы готовы к этому?

Тишина.

— Не знаете, — сказал он. — И это нормально. Потому что тот, кто знает — тот врёт. А тот, кто не знает — тот ищет.

Он сел за кафедру, открыл какую-то тетрадь.

— Меня зовут Виктор Олегович. Я буду вести у вас философию два года. Мы будем говорить о том, что значит быть человеком. О том, что значит быть врачом. О том, что значит жить и умирать. И я не буду давать вам ответов. Потому что ответов нет. Есть только вопросы.

Он посмотрел на аудиторию.

— Готовы слушать?

— Да, — пробормотали студенты.

— Громче.

— Да!

— Хорошо. Тогда начнём.

Он говорил полтора часа.

Не читал по учебнику. Не показывал слайды. Просто говорил. Задавал вопросы. Провоцировал.

— Что значит "не навреди"? Это про тело или про душу?

— Если ты можешь продлить жизнь на месяц, но этот месяц будет адом — ты должен это делать?

- Кто ты для пациента: спаситель, ремесленник или свидетель?
- Имеет ли врач право не знать?

Студенты спорили. Кто-то соглашался, кто-то возражал. Денис Карапетян, который сидел в первом ряду, открыто смотрел в телефон. Кира записывала всё, что говорил Лестницкий. Сеня не записывал. Он слушал.

Лестницкий заметил это.

Он говорил, смотрел на аудиторию — и вдруг посмотрел прямо на Сеню. Не долго, но достаточно, чтобы Сеня почувствовал: он видит. Видит, что Сеня не записывает. Видит, что Сеня слушает.

Сеня отвёл взгляд. Почувствовал, как краснеет.

Лестницкий не сказал ничего. Просто продолжил говорить.

После лекции Сеня не встал. Сидел, смотрел в тетрадь — пустую, ни одной записи. Думал о том, что сказал Лестницкий. О том, что врач — это не тот, кто спасает. А тот, кто делает так, чтобы жизнь имела смысл. Даже если она короткая. Даже если она заканчивается.

Студенты выходили из аудитории, говорили громко, обсуждали. Сеня сидел. Не двигался.

Кира подошла к нему.

— Ты чего сидишь?

— Думаю.

— О чём?

— О том, что он сказал.

— А что он сказал?

— Не знаю. Всё.

Она посмотрела на него.

— Ты слишком серьёзный, Сеня.

— Может, мне и нравится быть серьёзным.

— Нет. Тебе не нравится. Ты просто не умеешь быть другим.

Он не ответил. Она была права.

— Пойдём, — сказала она. — Обед.

— Я потом.

— Ты всегда говоришь "потом". А потом не ешь.

— Сегодня поем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она посмотрела на него ещё раз, потом ушла.

Сеня сидел. Думал.

Потом встал, пошёл к кафедре.

Лестницкий собирал тетради. Увидел Сеню, остановился.

— Что-то хотел?

Сеня не знал, что сказать. Он не планировал подходить. Просто — подошёл.

— Я... я хотел спросить.

— Что?

— Вы сказали... что врач — это не тот, кто спасает. А тот, кто делает так, чтобы жизнь имела смысл.

— Да.

— А как? Как сделать так, чтобы жизнь имела смысл?

Лестницкий посмотрел на него. Долго.

— Ты почему не записывал?

— Я... я слушал.

— Слушать и записывать — это разное. Ты слушаешь. Но не записываешь. Почему?

— Потому что... если я запишу, это станет словами. А я хочу, чтобы это осталось ощущением.

Лестницкий кивнул.

— Понятно. Ты чувствуешь. Но не фиксируешь.

— Да.

— Это хорошо. И плохо.

— Почему плохо?

— Потому что ощущение уходит. А слова остаются. Если ты не запишешь — ты забудешь.

Сеня молчал.

— Ты почему пошёл в медицину? — спросил Лестницкий.

— Хочу помогать людям.

— Это ответ для анкеты. Я спрашиваю: почему ты?

Сеня молчал. Не знал, что ответить.

— Ты не знаешь, — сказал Лестницкий. — И это хорошо. Потому что тот, кто знает — тот врёт. А тот, кто не знает — тот ищет.

Он посмотрел на Сенью.

— Ты ищущий, Волков. Это видно.

Сеня удивился.

— Вы знаете моё имя?

— Я знаю всех, кто не записывает на моих лекциях.

Сеня усмехнулся.

— Это плохо?

— Нет. Это просто заметно.

Он собрал тетради, положил в сумку.

— Приходи на следующую лекцию, — сказал он. — И подумай о том, почему ты пошёл в медицину. Не "хочу помогать". А почему ты.

— Я подумаю.

— Хорошо.

Он пошёл к двери. Остановился, обернулся.

— И запиши что-нибудь. Ощущения тоже важны. Но слова — тоже.

Он ушёл.

Сеня стоял, смотрел на пустую кафедру. Думал: он видит. Видит, что я не знаю. И это нормально.

Он достал тетрадь, открыл. Написал одну строчку: "Врач — это не тот, кто спасает. Это тот, кто делает так, чтобы жизнь имела смысл."

Потом закрыл тетрадь, пошёл в столовую.

В столовой он встретил Максима.

— Ты где был? — спросил Максим. — Я тебя ждал.

— Задержался.

— После лекции?

— Да.

— А что там?

— Говорил с преподавателем.

— О чём?

— Не знаю. О жизни.

Максим усмехнулся.

— Философ, что ли?

— Может быть.

— И что он сказал?

— Что я ищущий.

— И это хорошо?

— Не знаю.

Они сели за столик, заказали еду. Сеня ел механически — суп, хлеб, компот. Не чувствовал вкуса.

— Как тебе лекция? — спросил Максим.

— Странно.

— Скучно?

— Нет. Наоборот.

— А как?

Сеня задумался.

— Он не читает по учебнику. Он задаёт вопросы. И не даёт ответов.

— И это интересно?

— Да. Потому что ты начинаешь думать.

— А я думал, что философия — это скучно. Что там только слова.

— Там не только слова. Там смыслы.

Максим посмотрел на него.

— Ты изменился.

— Как?

— Не знаю. Стал... глубже, что ли.

Сеня усмехнулся.

— Это из-за анатомички.

— Может быть.

Они помолчали. Потом Максим спросил:

— Ты правда не знаешь, почему пошёл в медицину?

— Не знаю.

— А я знаю.

— Почему?

— Потому что люблю детей. Хочу быть педиатром. Хочу, чтобы дети не болели.

— Это хорошая причина.

— А у тебя какая?

Сеня пожал плечами.

— Не знаю. Может, найду.

— Может быть.

Они доели, встали. Пошли обратно в общагу.

Вечером Сеня сидел в комнате, смотрел в окно.

Максим читал учебник. Игорь курил у окна.

— Как философия? — спросил Игорь.

— Странно, — сказал Сеня.

— Скучно?

— Нет. Наоборот.

— А как?

Сеня задумался.

— Преподаватель задаёт вопросы. И не даёт ответов.

— И это интересно?

— Да.

Игорь посмотрел на него.

— Ты правда хочешь быть врачом?

— Да.

— А зачем?

Сеня посмотрел на него.

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Не знаю. Может, найду.

Игорь усмехнулся.

— Странный ты, Волков.

— Может быть.

Игорь потушил сигарету, лёг на кровать.

— Ладно. Спи. Завтра рано вставать.

Сеня лёг, посмотрел в потолок.

Думал о Лестницком. О том, что он сказал. О том, что врач — это не тот, кто спасает. А тот, кто делает так, чтобы жизнь имела смысл.

Думал о себе. О том, что он не знает, почему пошёл в медицину. О том, что он ищущий.

Думал о Кире, которая знает. Которая всегда знает.

Засыпая, подумал: может, он прав. Может, я не знаю. И это нормально.

И он был прав.

Глава 4

Глава четвёртая. Система

Прошло две недели.

Сеня уже привык к запаху формалина — вернее, научился его не замечать. Он въедался в одежду, в волосы, в кожу, и Сеня перестал его чувствовать. Только когда приходил домой в общагу и снимал рубашку, понимал: пахнет. Максим однажды сказал: "От тебя как из морга." Сеня усмехнулся. Привык.

Он привык и к многому другому. К тому, что нужно вставать в семь, даже когда не выспался. К тому, что в столовой всегда очередь, и всегда не хватает вилок. К тому, что в библиотеке места занимают с утра, и если пришёл после девяти — сиди на полу. К тому, что преподаватели не запоминают имена, если ты не отвечаешь на лекциях.

Он привык. Но не вписался.

Кира вписалась сразу. Она уже знала половину потока, уже подружилась с несколькими старшекурсниками, уже ходила на какие-то мероприятия, о которых Сеня даже не слышал. Она была везде — и везде своя.

А Сеня был нигде. Он ходил на лекции, зубрил по ночам, рисовал в тетради. И думал. Много думал.

Во вторник после лекции по анатомии он пошёл к Лестницкому.

Не планировал. Просто увидел, что тот идёт по коридору, и догнал.

— Виктор Олегович.

Лестницкий обернулся. Посмотрел на него.

— Волков. Что-то случилось?

— Можно к вам зайти?

— Зачем?

Сеня пожал плечами.

— Поговорить.

Лестницкий посмотрел на него долго. Потом кивнул.

— Идём.

Кабинет Лестницкого был на втором этаже, в старом крыле здания. Маленькая комната, заваленная книгами. На столе — стопки тетрадей, чашка с остывшим кофе, пепельница с окурками. На стене — портрет Чехова, чёрно-белый, с грустными глазами. На подоконнике — кактус, единственный живой предмет, кроме самого Лестницкого.

— Садись, — сказал Лестницкий, кивая на стул.

Сеня сел. Лестницкий сел напротив, достал сигарету, закурил. Курил медленно, смотрел в окно.

— Ну, — сказал он. — О чём поговорим?

Сеня не знал, с чего начать. Он пришёл не с вопросом. Пришёл с ощущением — тем самым, которое не мог зафиксировать словами.

— Я не понимаю, — сказал он наконец.

— Чего?

— Зачем вы это делаете.

— Что именно?

— Зачем вы спрашиваете. Зачем задаёте вопросы, на которые нет ответов. Зачем заставляете нас думать о том, о чём мы не хотим думать.

Лестницкий усмехнулся.

— А ты не хочешь?

— Не знаю. Может, не хочу.

— Тогда почему пришёл?

Сеня молчал.

— Вот, — сказал Лестницкий. — Ты пришёл, потому что не можешь не думать. Потому что вопросы уже внутри тебя. И ты хочешь понять, что с ними делать.

— Да.

— А я не знаю, что с ними делать. Никто не знает.

— Тогда зачем вы их задаёте?

Лестницкий посмотрел на него. Долго.

— Потому что тот, кто не задаёт вопросов, — тот не врач. Тот — ремесленник.

Он затаился, выпустил дым в окно.

— Я раньше работал в хосписе, — сказал он вдруг.

Сеня удивился. Он не ожидал.

— В хосписе?

— Да. Психологом. Шесть лет.

— И почему ушли?

Лестницкий молчал. Смотрел в окно. Потом сказал:

— Потому что не смог.

— Не смогли что?

— Смотреть, как они умирают. Каждый день. Каждый день кто-то уходил. И я ничего не мог сделать.

— Но вы же были психологом. Вы помогали.

— Я помогал. Но это не помогало. Они всё равно умирали.

Он посмотрел на Сеню.

— Ты понимаешь, что значит работать в хосписе? Это значит — быть рядом с теми, кто знает, что умрёт. И ты знаешь, что они умрут. И ты не можешь их спасти. Ты можешь только быть рядом. Держать за руку. Слушать. Говорить.

— И это не помогает?

— Помогает. Но не им. Им уже не поможешь. Это помогает тебе. Чтобы ты не сошёл с ума. Чтобы ты понимал: ты не один. Они не одни.

Сеня молчал.

— Я ушёл, — продолжил Лестницкий, — потому что понял: я не могу. Я не могу каждый день смотреть, как они умирают. Я не могу каждый день быть рядом с теми, кто прощается. Я сломался.

— И что вы сделали?

— Пошёл учить вас.

— Почему?

— Потому что здесь я могу подготовить вас к тому, что меня сломало. Я могу сказать вам: вы будете видеть смерть. Вы будете стоять рядом с умирающими. Вы не сможете их всех спасти. И это нормально.

Он посмотрел на Сенью.

— Ты думаешь, что врач — это тот, кто спасает?

— Не знаю.

— Нет. Врач — это тот, кто принимает. Принимает, что не всех можно спасти. Принимает, что смерть — часть жизни. Принимает, что его задача — не победить смерть, а сделать так, чтобы между рождением и смертью был смысл.

Сеня молчал.

— Я ушёл из хосписа, — сказал Лестницкий, — потому что не смог принять. А теперь учу вас принимать. Чтобы вы не сломались. Как я.

Он потушил сигарету.

— Ты понял, почему я задаю вопросы?

— Да.

— Чтобы вы думали. Чтобы вы не были автоматами. Чтобы вы были людьми.

— А если я не смогу?

— Сломаться?

— Да.

— Тогда сломаешься. И будешь собирать себя по кусочкам. Как я.

— А как?

— Не знаю. У каждого свой способ. Мой — учить вас. Кто-то пьёт. Кто-то уходит из профессии. Кто-то становится циником. А кто-то — продолжает. И это тоже способ.

Он посмотрел на Сенью.

— Ты продолжишь?

Сеня подумал.

— Не знаю.

— Честно?

— Честно — не знаю.

— Это честно. И это хорошо.

Лестнички встал.

— Иди. У тебя следующая лекция.

— Спасибо.

— За что?

— Не знаю. Просто — спасибо.

Лестнички усмехнулся.

— Иди, Волков. И подумай о том, что я сказал.

Сеня встал, пошёл к двери. Остановился.

— Виктор Олегович.

— Да?

— А вы не жалеете, что ушли?

Лестнички посмотрел на него. Долго.

— Жалею. Но не о том, что ушёл. А о том, что не смог остаться.

Сеня кивнул. Вышел.

В коридоре он столкнулся с Денисом.

Денис Карапетян шёл навстречу — высокий, уверенный, в дорогой свитере. Увидел Сеню, остановился.

— Волков. Ты чего такой задумчивый?

— Думаю.

— О чём?

— О жизни.

Денис усмехнулся.

— Философ, что ли?

— Может быть.

— Я слышал, ты к Лестницкому ходил.

— И что?

— Ничего. Просто интересно. Ты что, правда веришь в эту его философию?

— В какую?

— Ну, про смысл, про душу, про всё это.

Сеня пожал плечами.

— Не знаю. Верю.

Денис покачал головой.

— Ты странный, Волков.

— Говорили уже.

— И почему ты такой?

— Не знаю.

— Я знаю почему. Потому что ты думаешь, что медицина — это про людей. А она не про людей. Она про систему. Про протоколы. Про деньги.

— А я думал, она про помощь.

— Помощь — это маркетинг. На самом деле — это бизнес.

Сеня посмотрел на него.

— Ты правда так думаешь?

— Да. А ты нет?

— Нет.

— Тогда ты наивный.

— Может быть.

Денис посмотрел на него долго. Потом сказал:

— Слушай, Волков. Я тебе скажу одну вещь. Ты либо научишься видеть систему, либо система тебя ломает.

— А ты научился?

— Да.

— И что, помогло?

— Конечно. Я сплю спокойно. Я знаю, что делаю. Я знаю, зачем.

— А зачем?

— Заработать. Жить хорошо. Помогать себе, а потом — другим.

— А пациенты?

— Пациенты — это клиенты. Ты либо это принимаешь, либо нет.

— А если не принимаешь?

— Тогда ты — как Лестницкий. Ломаешься. Уходишь. И никто о тебе не вспомнит.

Сеня молчал.

— Ты подумай, — сказал Денис. — Я не злой. Я просто честный. А честность в медицине — это редкость.

Он кивнул, пошёл дальше.

Сеня стоял, смотрел ему в спину. Думал: он не злой. Он правда честный. Но его честность — это цинизм. А цинизм — это не честность. Это защита.

Он пошёл в аудиторию.

Вечером он сидел с Кирой в столовой.

Она ела салат, говорила быстро, о чём-то рассказывала. Сеня слушал вполуха.

— Ты меня слушаешь? — спросила она.

— Да.

— Нет. Ты где-то далеко.

— Извини.

— Ты опять думаешь?

— Да.

— О чём?

— О Денисе.

— О Карапетяне?

— Да.

— А что он?

— Сказал, что медицина — это бизнес. Что пациенты — это клиенты.

Кира пожала плечами.

— Ну, в чём-то он прав.

— Ты тоже так думаешь?

— Я думаю, что он преувеличивает. Но в чём-то он прав. Медицина — это не только про помощь. Это ещё про деньги, про систему, про протоколы.

— А ты это принимаешь?

— Я принимаю реальность.

— А я не хочу.

— Тогда будет тяжело.

— Я знаю.

Она посмотрела на него.

— Сеня, ты слишком серьёзный.

— Может, мне и нравится быть серьёзным.

— Нет. Тебе не нравится. Ты просто не умеешь быть другим.

— А ты умеешь?

— Да.

— Как?

— Я принимаю. Я не спорю с реальностью. Я работаю с ней.

— А я не могу.

— Тогда научись.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что если я научусь принимать — я стану как Денис. Или как ты.

Она посмотрела на него. Долго.

— Ты правда так думаешь?

— Да.

— И что, это плохо?

— Для тебя — нет. Для меня — да.

Она молчала. Потом сказала:

— Ты не станешь как я. Ты — другой. И это нормально.

— А ты не другой?

— Я тоже другой. Просто по-другому.

Они помолчали.

— Сеня, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я счастлив.

— Нет. Ты не счастлив. Ты просто думаешь.

— Это одно и то же.

— Нет. Не одно и то же.

Она взяла его за руку.

— Мы вместе, — сказала она. — Помнишь?

— Помню.

— Мы справимся.

— Да, — сказал он. — Справимся.

Но внутри он не был уверен.

Ночью он не спал. Лежал, смотрел в потолок.

Думал о Лестничком. О хосписе. О том, почему он ушёл. О том, что он сломался.

Думал о Денисе. О том, что он честный. Но его честность — это защита.

Думал о Кире. О том, что она принимает. А он — нет.

Думал о себе. О том, что он не знает, кто он. Что он ищущий. Что он не умеет принимать.

Засыпая, подумал: может, Лестничкий прав. Может, я ломаюсь. Но я не хочу быть как Денис. И не хочу быть как Кира. Я хочу быть собой.

И он не знал, хорошо это или плохо.

Глава 5

Глава пятая. Первая смерть

Практику в клинике поставили на конец октября. Сеня ждал этого дня со смешанным чувством — страхом и нетерпением. Он хотел увидеть настоящих пациентов. Не трупы в анатомичке, а живых людей. Тех, кому нужна помощь. Тех, ради кого он пошёл в медицину.

Но когда день пришёл, он понял: хотеть и быть готовым — это разные вещи.

Клиника находилась на окраине города — большое серое здание с облезшей штукатуркой и узкими окнами. Рядом стояла старая скорая помощь, кто-то курил у входа, кто-то тащил сумку с продуктами — наверное, родственникам пациентов.

Студентов разбили на группы по четыре человека. Сеня попал в одну группу с Максимом, Тоней Ржевской и Денисом Карапетяном.

Тоню он замечал ещё на лекциях. Тихая девушка с короткими тёмными волосами, в очках в тонкой оправе. Она всегда сидела во втором ряду, записывала всё, что говорят преподаватели, но никогда не задавала вопросов. Сеня видел, как она рисует на полях конспектов — не анатомию, как он, а абстракции: линии, круги, какие-то странные фигуры. Ему казалось, что она тоже "не такая, как все". Но он не решался заговорить.

Денис, наоборот, был всегда на виду. Он громко говорил, шутил, спорил с преподавателями. Он был уверен в себе так, как бывают уверены только те, кто знает: у них есть запасной аэродром.

— Ну что, врачи, — сказал Денис, когда они стояли у входа в клинику. — Готовы спасать жизни?

Максим нервно усмехнулся.

— Я не знаю. Я волнуюсь.

— Чего волноваться? — сказал Денис. — Это просто практика. Ты будешь смотреть, как работают настоящие врачи. И учиться.

— А если я ошибусь? — спросил Максим.

— Ты не ошибёшься. Ты студент. Ты не имеешь права ошибаться.

Сеня посмотрел на него.

— А если пациент умрёт?

Денис пожал плечами.

— Значит, не повезло. Это не твоя вина.

Сеня не ответил. Он посмотрел на Тоню. Она стояла рядом, молчала, смотрела на здание клиники. Потом тихо сказала:

— Я боюсь.

Все посмотрели на неё. Она редко говорила.

— Чего? — спросил Денис.

— Не знаю. Просто... боюсь.

Денис усмехнулся.

— Это нормально. Все боятся. Просто некоторые это скрывают.

Он кивнул на дверь.

— Пойдёмте. Нас ждут.

Их встретил заведующий отделением — высокий мужчина лет шестидесяти, с седыми усами и усталыми глазами. Он посмотрел на студентов, вздохнул.

— Ну, здравствуйте, коллеги, — сказал он. — Добро пожаловать в ад.

Студенты нервно засмеялись.

— Я шучу, — сказал заведующий. — Или нет. Вы увидите сами.

Он провёл их по отделению. Палаты, коридоры, ординаторская. Пахло лекарствами, хлоркой, чем-то ещё — может, старой едой, может, болезнью.

— Здесь лежат пациенты с хроническими заболеваниями, — объяснял заведующий. — Некоторые — давно. Некоторые — навсегда. Вы будете наблюдать, помогать сестрам, иногда — разговаривать с пациентами. Но не больше. Вы не врачи. Вы — студенты.

Он остановился у одной из палат.

— Здесь — Иван Петрович. Рак лёгких. Терминальная стадия. Месяц, может два. Вы можете с ним поговорить. Только не обещайте ему ничего. Поняли?

— Да, — пробормотали студенты.

— Хорошо. Тогда идите.

Иван Петрович лежал на кровати у окна. Худой, бледный, с глубокими морщинами на лице. Но глаза — живые, умные, с юмором.

Он посмотрел на студентов, улыбнулся.

— О, новые лица. Привет, молодые.

— Здравствуйте, — сказал Максим. — Мы студенты. Практику проходим.

— А, понятно, — Иван Петрович кивнул. — Ну, смотрите, учитесь. Я тут давно лежу, могу много рассказать.

Сеня подошёл ближе.

— Вам не больно?

Иван Петрович усмехнулся.

— Больно. Но я привык. Ты откуда, сынок?

— Из Новочеркасска.

— А, это рядом. Я от туда же родом. Только давно уехал.

Он посмотрел на окно.

— Красиво тут. Деревья видны. Я люблю смотреть на деревья. Они не знают, что такое боль.

Сеня молчал. Не знал, что сказать.

Тоня села на стул рядом с кроватью.

— А вы чем занимались до болезни? — спросила она тихо.

Иван Петрович посмотрел на неё.

— Я инженер был. Мосты строил. Хорошие мосты. До сих пор стоят.

— А семья есть?

— Жена умерла. Дочь в другом городе. Редко приезжает.

Он помолчал.

— Но ничего. Я не жалею. Пожил хорошо. Мосты построил. Вот теперь — мост другой строю. Последний.

Сеня посмотрел на него.

— Какой мост?

— Между здесь и там, — Иван Петрович кивнул на потолок. — Не знаю, что там. Но мост строю. Каждый день — по кирпичику.

Сеня не знал, что ответить. Он посмотрел на Тоню. Она смотрела на Ивана Петровича, и в её глазах были слёзы. Но она не плакала. Просто смотрела.

Денис стоял у двери, смотрел в телефон.

Они приходили к Ивану Петровичу каждый день.

Максим приносил ему яблоки — Иван Петрович любил кислые. Тоня садилась рядом, слушала его истории. Она почти не говорила, только слушала. Иван Петрович называл её "тихая девочка" и говорил, что она напоминает ему дочь.

Сеня тоже приходил. Он приносил книги — Иван Петрович любил читать, но глаза уже плохо видели. Сеня читал ему вслух. Читал Чехова, Бунина, Паустовского. Иван Петрович слушал, закрыв глаза, иногда улыбался.

— Ты хороший, сынок, — говорил он Сене. — Ты добрый. Это редкость.

— Спасибо.

— Только не будь слишком добрым. Это опасно.

— Почему?

— Потому что мир не добрый. И если ты будешь слишком добрым — мир тебя сломает.

Сеня молчал.

— Я не хочу быть злым, — сказал он.

— Я не говорю — будь злым. Я говорю — будь сильным. Доброта без силы — это слабость. А доброта с силой — это то, что нужно.

Сеня думал об этом.

Денис приходил редко. Он говорил: "Мне нечего там делать. Он всё равно умрёт. Зачем тратить время?"

Сеня злился. Но не говорил.

Однажды, когда Сеня читал Ивану Петровичу "Даму с собачкой", тот вдруг остановил его.

— Сынок, остановись.

— Что случилось?

— Мне плохо.

Сеня посмотрел на него. Иван Петрович был бледнее обычного, дышал тяжело.

— Позвать врача?

— Не надо. Это просто... приступ. Пройдёт.

Но не прошло.

Через час прибежала медсестра, потом врач. Они сустились, делали уколы, говорили что-то тихим голосом. Сеня стоял в углу, не знал, что делать.

Иван Петрович смотрел на него.

— Не бойся, сынок, — прошептал он. — Это нормально.

— Что нормально?

— Умирать. Это нормально.

Сеня не знал, что сказать. Он подошёл ближе, взял его за руку.

— Я здесь, — сказал он. — Я рядом.

Иван Петрович улыбнулся.

— Я знаю. Спасибо.

Он закрыл глаза.

Дышал всё тише. Тише.

Потом — перестал.

Сеня стоял, держал его руку. Не понимал, что произошло.

Медсестра подошла, посмотрела на Ивана Петровича, потом на Сеню.

— Он ушёл, — сказала она тихо. — Отпустите руку.

Сеня не отпускал.

— Молодой человек, — сказала медсестра громче. — Отпустите.

Сеня отпустил. Посмотрел на свою руку — на ней остался след от его пальцев.

Он вышел из палаты.

В коридоре его затошнило. Он наклонился над урной, но его не вырвало. Просто стоял, дышал тяжело, смотрел в пол.

Максим нашёл его там.

— Сенья, ты в порядке?

— Нет.

— Я знаю.

Максим обнял его. Сенья не плакал. Просто стоял, смотрел в пол.

— Он умер, — сказал Сенья.

— Да.

— Я был рядом.

— Да.

— И ничего не мог сделать.

— Ты и не должен был. Ты студент.

— Но я был рядом.

— Да.

Сенья молчал.

— Пойдём, — сказал Максим. — Пойдём к Лестницкому.

Лестницкий работал в этой же клинике — вёл психологическое сопровождение пациентов и их родственников. Сенья узнал об этом только сейчас — на семинарах по философии он никогда не говорил о своей работе здесь.

Они нашли его в маленьком кабинете на втором этаже клиники. Лестницкий сидел за столом, курил, смотрел в окно.

Увидел Сенью, посмотрел пристально.

— Садись.

Сенья сел. Не говорил. Не мог.

Лестничный молчал. Ждал.

Потом Сеня сказал:

— Он умер.

— Кто?

— Пациент. Иван Петрович. Рак лёгких. Я был рядом.

— Я знаю.

— Вы знали?

— Мне сказали. Я работаю здесь.

Сеня посмотрел на него.

— Я ничего не мог сделать.

— Нет. Не мог.

— Я был рядом.

— Да.

— Этого достаточно?

Лестничный посмотрел на него внимательно.

— Ты не убил его, Волков.

— Я знаю.

— Но ты был рядом.

— Да.

— Это тоже работа.

Сеня посмотрел на него.

— Какая работа? Я просто стоял.

— Иногда просто быть рядом — это всё, что нужно.

— Но я хотел помочь.

— Ты помогал.

— Как?

— Тем, что был рядом. Тем, что держал его за руку. Тем, что он не был один.

Сеня молчал.

— Ты думаешь, врач — это тот, кто спасает? — спросил Лестницкий.

— Не знаю.

— Нет. Врач — это тот, кто принимает. Принимает, что не всех можно спасти. Принимает, что смерть — часть жизни. Принимает, что его задача — не победить смерть, а сделать так, чтобы между рождением и смертью был смысл.

— А как сделать так, чтобы был смысл?

— Быть рядом.

— И этого достаточно?

— Нет. Но это начало.

Сеня молчал.

— Ты чувствуешь вину? — спросил Лестницкий.

— Да.

— Почему?

— Потому что я был рядом. И ничего не сделал.

— Ты сделал. Ты был рядом.

— Но я хотел больше.

— Все хотят больше. Но не все могут.

Он потушил сигарету.

— Ты не Бог, Волков. Ты человек. И ты не можешь спасти всех. Но ты можешь быть рядом. И это тоже важно.

Сеня молчал.

— Пойди домой, — сказал Лестницкий. — Отдохни. Подумай. И не вини себя. Ты не убил его. Ты был рядом. И это — всё, что ты мог сделать.

Сеня встал.

— Спасибо.

— За что?

— Не знаю. Просто — спасибо.

Лестницкий усмехнулся.

— Иди, Волков.

Вечером Сеня сидел в комнате, смотрел в окно.

Максим лёг спать рано — он был уставший. Игорь курил у окна, молчал.

Сеня думал об Иване Петровиче. О его руках, которые он держал. О его улыбке. О том, что он сказал: "Не бойся, сынок. Это нормально."

Он не боялся. Он чувствовал вину.

Почему он не мог сделать больше? Почему он просто стоял? Почему он не врач, чтобы спасти?

Он думал о Денисе, который сказал: "Он всё равно умрёт. Зачем тратить время?"

Может, Денис прав? Может, не нужно привязываться? Может, нужно просто делать свою работу и уходить?

Но он не мог. Он не хотел.

Он достал тетрадь, открыл. Написал: "Иван Петрович. Инженер. Строил мосты. Умер. Я был рядом."

Потом закрыл тетрадь, лёг на кровать.

Не спал.

Думал о том, что значит "быть рядом". О том, что значит "спасать". О том, что значит "умирать".

Засыпая, подумал: может, Лестницкий прав. Может, я не убил его. Может, я был рядом. И этого достаточно.

Но он не был уверен.

На следующий день в клинике они встретили Дениса.

— Ну что, — сказал Денис. — Пережили?

— Да, — сказал Максим.

— Я же говорил. Это не страшно. Это просто работа.

Сеня посмотрел на него.

— Для тебя — просто работа.

— А для тебя?

— Не знаю.

— Вот поэтому ты и мучаешься. Потому что ты думаешь, что это не просто работа.

— А что это?

— Это система. Ты либо принимаешь её, либо нет. Если принимаешь — работаешь. Если нет — уходишь.

— А если не можешь ни то, ни другое?

— Тогда ты — как Лестницкий. Ломаешься.

Сеня молчал.

— Ты не прав, — сказал он.

— Почему?

— Потому что это не система. Это люди.

— Люди — это часть системы.

— Нет. Люди — это не часть. Люди — это главное.

Денис посмотрел на него.

— Ты наивный, Волков.

— Может быть.

— Наивность — это плохо. В медицине наивность убивает.

— А цинизм — убивает душу.

Денис усмехнулся.

— Философ, что ли?

— Может быть.

— Ладно. Делай что хочешь. Только не говори потом, что я не предупреждал.

Он ушёл.

Сеня стоял, смотрел ему в спину.

Тоня подошла.

— Ты в порядке? — спросила она тихо.

— Не знаю.

— Я тоже.

Они помолчали.

— Он умер, — сказал Сеня.

— Да.

— Я был рядом.

— Да.

— Этого достаточно?

Тоня посмотрела на него.

— Не знаю. Но это всё, что мы могли сделать.

— А если этого мало?

— Тогда мы делаем больше. В следующий раз.

Сеня посмотрел на неё.

— Ты странная, Тоня.

— Я знаю.

— Это хорошо.

— Может быть.

Они пошли в палату. Там был новый пациент. Молодой мужчина, лет тридцати. Авария. Переломы.

Сеня подошёл к нему.

— Здравствуйте. Я студент.

Мужчина посмотрел на него.

— Привет. Помогите, если можете.

— Я постараюсь.

— Это всё, что можно обещать.

Сеня кивнул.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, сможет ли он. Но он знал одно: он будет рядом.

И этого, может быть, достаточно.

Глава 6

Глава шестая. Дом

Перед каникулами была последняя дежурная смена в приёмном отделении. Сеня стоял в стороне, смотрел, как работает дежурный врач Звягинцева — молодая женщина лет тридцати пяти, с собранными в пучок волосами и усталыми, но внимательными глазами. Она принимала пациентов одного за другим, не суетясь, но и не медля.

Привезли мужчину лет сорока. Пьяный, с разбитым лицом. Он орал, рвался, пытался ударить санитаров. Звягинцева спокойно подошла к нему, что-то сказала тихим голосом. Мужчина замолчал. Позволил себя осмотреть.

Сеня смотрел и думал: как она это делает? Как она остаётся спокойной, когда он орёт? Как она не злится?

Потом привезли старушку. У неё был инсульт. Она не могла говорить, только мычала. Рядом стояла дочь — молодая женщина, лет тридцати, с красными глазами. Она спрашивала: "Доктор, она выкарабкается? Скажите, пожалуйста, она выкарабкается?"

Звягинцева посмотрела на неё. Потом на старушку. Потом снова на дочь.

— Мы делаем всё, что можем, — сказала она. — Но вы должны понимать: возраст, состояние... Шансы есть, но гарантий нет.

Дочь заплакала. Звягинцева положила ей руку на плечо. Постояла минуту. Потом пошла дальше — к следующему пациенту.

Сеня смотрел на это и думал: она не обещала. Она не сказала "всё будет хорошо". Она сказала правду. Жёсткую, страшную правду. И дочь плакала. Но она знала.

Денис стоял рядом. Он смотрел на всё это спокойно, почти равнодушно.

— Ну что, — сказал он, когда дочь ушла. — Очередной случай.

— Какой случай? — спросил Сеня.

— Инсульт. Пожилая. Шансов мало. Но мы сделали своё дело.

— А дочь?

— Что дочь? Она переживёт. Все переживают.

— Она плакала.

— Все плачут. Это нормально.

Сеня посмотрел на него.

— Тебе не жалко?

— Кого? Старушку? Она пожилая. Она прожила жизнь. Дочь? Она молодая, справится.

— А если бы это была твоя мать?

Денис посмотрел на него.

— Моя мать не в таком состоянии.

— Но если бы была?

Денис пожал плечами.

— Тогда бы я переживал. Но сейчас — это не моя мать. Это пациент. Я делаю свою работу. И иду дальше.

Сеня молчал.

— Ты не понимаешь, Волков, — сказал Денис. — Это не жестокость. Это эффективность. Если ты будешь переживать за каждого — ты выгоришь за год. А я — работаю. И буду работать.

— И тебе не страшно?

— Чего?

— Что ты станешь... пустым.

Денис усмехнулся.

— Я не пустой. Я просто не трачу энергию на то, что не могу изменить.

— А что ты можешь изменить?

— Своё отношение.

Сеня не ответил. Он смотрел, как Звягинцева подходит к следующему пациенту. Как она спокойно, профессионально делает своё дело. Как она не плачет. Как она не злится. Как она просто работает.

И он подумал: может, Денис прав? Может, это и есть правильный путь? Не чувствовать? Не привязываться? Просто делать своё дело?

Но он не хотел. Не мог.

Вечером, перед отъездом на каникулы, он пошёл в библиотеку. Нужно было сдать книги, которые брал на семестр.

Библиотека была почти пуста — большинство студентов уже уехали. Сеня нашёл свободное место у окна, сел, достал тетрадь.

Он не знал, что делать. Думал о Денисе. О Звягинцевой. О том, как она спокойно сказала правду дочери. О том, как Денис сказал: "Это не жестокость. Это эффективность."

Он открыл тетрадь. Начал писать. Не конспект. Просто — писать.

"Я не знаю, кто я. Я не знаю, правильный ли путь я выбрал."

Он писал быстро, не думая. Слова сами приходили.

"Может, я слабак? Может, я не создан для этой профессии?"

Он писал и не замечал, что рядом кто-то сел.

— Ты чего пишешь?

Тоня. Она села рядом, посмотрела на его тетрадь.

Сеня быстро закрыл её.

— Ничего.

— Ничего не пишется так быстро.

— Просто мысли.

— Какие?

Он посмотрел на неё. Не знал, отвечать или нет. Потом решил: отвечать.

— Я думаю о том, что значит быть врачом.

— И к чему пришёл?

— Ни к чему.

Тоня улыбнулась. Тихо.

— Это тоже ответ.

— Какой?

— Честный.

Сеня посмотрел на неё. Она сидела прямо, смотрела в окно. За окном падал снег — редкий для этих мест, но случался.

— Тоня, — сказал он. — А ты почему пошла в медицину?

Она подумала.

— Не знаю. Может, потому что хотела понять, что такое человек.

— И поняла?

— Нет. Но стала лучше видеть вопросы.

— А что ты видишь?

Она помолчала. Потом сказала:

— Я вижу, что жизнь — это река. Каждый плывёт по ней. Кто-то быстро, кто-то медленно. Кто-то сам, кто-то — потому что его несёт. И иногда река становится бурной. Иногда — тихой. Но она всегда течёт. В одну сторону.

Сеня слушал.

— И врач, — продолжила она, — это тот, кто плывёт рядом. Не чтобы остановить реку. Не чтобы изменить её течение. А чтобы быть рядом. Когда страшно. Когда больно. Когда темно.

— А Денис? — спросил он. — Он тоже плывёт рядом?

— Нет. Денис стоит на берегу. Смотрит, как люди плывут. Считает их. Анализирует. Кто быстро, кто медленно. Кто утонул, кто доплыл. Ему так спокойнее.

— А я?

— Ты плывёшь вместе с ними. Ты чувствуешь их холод. Их страх. Их боль. Ты не можешь просто смотреть со стороны.

— И это правильно?

— Нет понятия "правильно". Есть понятие "твоеё".

Сеня молчал.

— Сеня, — сказала она. — Ты думаешь, что чувствовать — это слабость. Но это не так. Чувствовать — это значит быть живым. А быть живым — это значит быть уязвимым. И это не слабость. Это цена.

— Цена чего?

— Того, что ты делаешь. Ты не можешь помогать людям и не быть с ними связан. Это невозможно. Если ты хочешь быть врачом — ты должен быть человеком. А человек — это тот, кто чувствует.

— А если это разрушает?

— Тогда ты разрушаешься красиво.

Сеня посмотрел на неё.

— Что?

— Ты слышал. Разрушаешься красиво. Это значит — не предаёшь себя. Не становишься пустым. Не превращаешься в механизм. Ты остаёшься собой. Даже если больно. Даже если тяжело.

— А как ты это делаешь?

— Что?

— Не становишься пустой.

Тоня посмотрела на него. Долго.

— Я не знаю. Может, потому что я поняла: пустота — это страшнее боли. Боль — это значит, что ты жив. Пустота — это значит, что ты умер. А я не хочу умирать. Пока дышу.

Сеня молчал.

— Ты странная, Тоня, — сказал он.

— Я знаю.

— Это хорошо.

— Может быть.

Они помолчали. Снег за окном падал всё гуще.

— Поедешь домой? — спросила она.

— Да.

— Я тоже. Поездом. Долго.

— А ты откуда?

— Издалека. Очень. С севера.

— И тебе не страшно ехать одной?

— Нет. Я привыкла.

— К чему?

— К дороге. К тому, что я одна.

Сеня посмотрел на неё. Понял: она не жалуется. Просто констатирует факт.

— Ты не одна, — сказал он.

— Что?

— Ты не одна. Я здесь.

Она посмотрела на него. Удивлённо. Потом улыбнулась. Тихо. Грустно.

— Спасибо, — сказала она. — Это важно.

Они посидели ещё немного. Молча. Потом Тоня встала.

— Пойду. Мне нужно собраться.

— Удачи в дороге.

— И тебе. С Рождеством.

— С Рождеством.

Она ушла. Сеня смотрел ей в спину. Думал: она права. Пустота — это страшнее боли. И он не хочет быть пустым.

Электричка шла до Новочеркасска чуть больше часа. За окном мелькали заснеженные поля, редкие деревни, заводские трубы. Сеня смотрел и думал о доме. О том, как он изменился за полгода. О том, что его ждёт.

Кира сидела рядом, смотрела в телефон. Она была весёлая, оживлённая — каникулы для неё были просто паузой между тусовками.

— Ты чего молчишь? — спросила она.

— Думаю.

— О чём?

— О доме.

— А что о нём думать? Приедем — увидим.

Сеня усмехнулся.

— Ты всегда так.

— А ты никогда.

Они доехали. Вышли. До дома — десять минут на автобусе.

Дом встретил его запахами. Из кухни пахло выпечкой — мать пекла пироги. В гостиной стояла ёлка — большая, пушистая, украшенная стеклянными шарами и огоньками. Бабушка возилась возле неё, поправляла игрушки.

— Сенечка! — она обернулась, увидела его, засмеялась. — Мой хороший! Приехал!

— Привет, бабуль.

Она обняла его. Пахла ванилью и корицей.

— Ты посмотри, какая ёлка! — она гордо показала на дерево. — Я её ещё вчера украсила. В этом году — новые шары. Красные. Как ты любишь.

— Спасибо, бабуль.

— Иди, мойся. Через час ужин. А потом — подарки.

Сеня пошёл в ванную. Смотрел в зеркало. Видел своё лицо — похудевшее, с тёмными кругами под глазами. Он выглядел старше. Чувствовал себя старше.

За ужином собрались все. Мать поставила на стол салаты, горячее, пироги. Отец принёс бутылку вина — он редко пил, но в праздники позволял себе. Кира уже рассказывала что-то, смеялась.

— Я получила стипендию, — говорила она. — Повышенную. За успехи.

— Молодец, — сказал отец. — Мы гордимся.

— А ты, Сеня? — спросила мать. — Как учёба?

— Нормально.

— Только нормально? — мать посмотрела на него внимательно.

— Всё хорошо, мам.

Отец молчал. Он ел, смотрел в тарелку. Потом сказал:

— После ужина — ко мне в кабинет. Поговорим.

Сеня кивнул.

После ужина он пошёл к отцу. Кабинет был маленьким, заваленным медицинскими журналами. На стене — диплом, фотографии. Отец сидел в кресле, смотрел в окно.

— Садись, — сказал он.

Сеня сел.

Отец молчал. Потом сказал:

— Ты изменился.

— Как?

— Не знаю. Стал... другим.

— Это плохо?

— Не знаю.

Он посмотрел на Сеню.

— Расскажи, как там.

— Нормально.

— Я не про учёбу. Я про то, что ты видишь.

Сеня молчал. Потом сказал:

— Я видел, как умирают.

— Я знаю.

— Вы знали?

— Я был студентом. Я тоже видел.

— И что ты делал?

— Жил дальше.

— Просто так?

— Не просто так. Я понял одну вещь.

— Какую?

— Что врач — это не тот, кто побеждает смерть. Врач — это тот, кто принимает её. И живёт с этим.

Сеня смотрел на него.

— А если не можешь принять?

— Тогда ты не врач.

— А кто?

— Не знаю. Но не врач.

Отец помолчал. Потом сказал:

— Я не говорю, что тебе нужно стать циником. Я не говорю, что тебе нужно выключить чувства. Я говорю: ты должен понять, что ты можешь. И чего не можешь. И жить с этим.

— А как?

— Не знаю. У каждого свой путь. Мой — через работу. Через руки. Когда я режу — я не думаю. Я делаю. И это помогает.

— А мне не помогает.

— Потому что ты другой. Ты думаешь слишком много. И чувствуешь слишком много.

— Это плохо?

— Не знаю. Может, это и есть то, что делает тебя врачом. А может — то, что тебя ломает.

— А ты что выбираешь?

— Я уже выбрал. Я живу с этим.

Он посмотрел на Сенью.

— Ты справишься. Ты Волков.

— А если не справлюсь?

— Справишься. Мы все справляемся. По-своему.

Он встал.

— Иди. Отдохни. Завтра — Рождество.

— Спасибо, пап.

— За что?

— За разговор.

Отец усмехнулся.

— Иди.

Рождественское утро началось с колокольного звона. Бабушка уже была на ногах — ставила на стол праздничные блюда. Мать помогала ей, они о чём-то шептались, смеялись. Отец одевался в гости — они шли в церковь.

Сеня стоял у окна, смотрел на снег. Кира подошла, встала рядом.

— Ты чего такой тихий?

— Думаю.

— О чём?

— О том, что отец сказал.

— А что он сказал?

— Что мы все справляемся. По-своему.

Кира посмотрела на него.

— А ты как справляешься?

— Не знаю. Пока — думаю.

— Это тоже способ.

— Может быть.

Они пошли в церковь. Было холодно, светло, тихо. Сеня стоял среди людей, слушал службу, и впервые за долгое время чувствовал покой. Не потому что решил что-то. А потому что просто был. Здесь. С семьёй. Дома.

После службы вернулись, сели за стол. Бабушка перекрестила еду, сказала: "С Рождеством, родные." Все повторили. Ели, говорили, смеялись.

Сеня смотрел на них. На мать, которая наливает вино. На отца, который рассказывает что-то бабушке. На Киру, которая смеётся над чем-то. На бабушку, которая смотрит на всех с любовью.

И подумал: я изменился. Но они — нет. И это хорошо. Потому что мне есть, куда вернуться.

Вечером он сидел у ёлки, смотрел на огоньки. Бабушка подошла, села рядом.

— Хорошо? — спросила она.

— Хорошо.

— Я так и думала.

Она помолчала. Потом сказала:

— Ты у меня хороший, Сенечка. Какой бы ты ни был.

Сеня улыбнулся.

— Спасибо, бабуль.

— Иди спать.

Он встал, пошёл в комнату. Лёг на кровать. Смотрел в потолок.

Думал о доме. Об отце. О Тоне. О Денисе. О том, что он понял за эти дни.

Он не знал, правильный ли путь он выбрал. Но он знал одно: он не пустой. Он чувствует. Он жив. И это — уже много.

Засыпая, подумал: я вернусь. И буду продолжать. По-своему.

И он был прав.

Глава 7

Глава седьмая. Трещины

Январь пах морозом и мандаринами. Каникулы кончились слишком быстро — Сеня не успел надышаться домом, бабушкиными пирогами, тишиной заснеженного двора. Электричка обратно шла в темноте, за окном мелькали редкие огоньки. Кира спала, уткнувшись в его плечо. Сеня смотрел в чёрное стекло и видел там своё отражение — бледное, с тёмными кругами. Он думал о том, что впереди экзамены, а потом — снова университет, снова больница, снова люди, которым больно.

Экзамены прошли как в тумане. Сеня сдавал анатомию, биохимию, латынь. Зубрил ночами, пил кофе литрами, рисовал органы на полях конспектов, пока они не начинали казаться ему красивыми. Ильина приняла у него анатомию, поставила "хорошо" и сказала: "Мог бы лучше, если бы не витал в облаках." Сеня кивнул. Он знал, что мог бы. Но мысли уносились не туда.

Кира сдала всё на "отлично". Как всегда. Она вышла из аудитории сияющая, обняла Сеню и сказала: "Ну что, выдохнули?" Он кивнул, но внутри не чувствовал облегчения. Только усталость. И что-то ещё — тихое, ноющее, как старая заноза.

Февраль принёс оттепель и новый семестр. Город просыпался медленно, неохотно, как больной после долгой лихорадки. Лужи на асфальте блестели на солнце, деревья стояли голые, но в воздухе уже пахло чем-то другим — не зимой, не весной, а ожиданием.

В университете стало теснее. Студенты вернулись с каникул — кто-то с красными щеками от мороза, кто-то бледный, кто-то с лёгким насморком. Коридоры гудели. В столовой снова были очереди. Сеня шёл по коридору и думал: все такие разные, и все здесь ради одного. Но каждый понимает это "одно" по-своему.

Теперь их прикрепляли к лечащим врачам. Не просто посмотреть — теперь они работали под их руководством. Сами собирали анамнез. Сами осматривали. Сами записывали. Лечащий врач стоял рядом, проверял, поправлял. Но руки были их. И слова — их. И ответственность — их.

Это было страшно. И это было то, чего Сеня ждал.

Первый самостоятельный приём был в терапевтическом отделении. Их курировал лечащий врач — Виктор Павлович, лет пятидесяти, с седыми висками и спокойными руками. Он не повышал тон, не торопил, не требовал точности.

— Пациент в седьмой палате, — сказал он. — Жалобы на боли в животе. Хронический гастрит. Соберите анамнез, осмотрите, предложите план. Я проверю.

Сеня пошёл к пациенту.

Мужчина лет пятидесяти, худой, с глубокими морщинами вокруг рта. Лежал, прижав руку к животу, смотрел в потолок. Когда Сеня вошёл, повернул голову.

— Здравствуйте, — сказал Сеня. — Я студент. Можно с вами поговорить?

— Можно, сынок. Садись.

Сеня сел на стул у кровати. Достал тетрадь.

— Расскажите, что вас беспокоит.

— Живот болит. Третий день. Ноет. То сильнее, то тише.

— Где именно?

— Вот здесь. — Мужчина показал на верхнюю часть живота. — Под ложечкой.

Сеня записывал. Задавал вопросы. Мужчина отвечал спокойно, но Сеня видел: когда тот говорил о боли, его рука невольно сжималась. Когда тянулся к стакану воды — пальцы дрожали.

И Сеня почувствовал это. Не головой — животом. Как будто это его болело. Как будто это его рука дрожала.

Он протянул стакан. Помог мужчине выпить.

— Спасибо, сынок, — сказал мужчина. — Ты хороший.

Сеня улыбнулся. Дописал анамнез, осмотрел, предложил план. Пошёл к лечащему врачу.

Виктор Павлович посмотрел его записи. Неплохо, сказал он. Но есть одна вещь.

— Вы написали: "пациент выглядит встревоженным, рекомендуется консультация психолога". Зачем?

— Он волнуется. Я видел.

— Это не входит в ваши задачи. Вы должны собрать анамнез. Осмотреть. Назначить обследование. Психолог — это не ваша забота.

Сеня молчал.

— Вы слишком близко принимаете, Волков. Это мешает. Вы должны видеть симптомы. А не эмоции.

— Но эмоции — это тоже часть болезни.

— Нет. Эмоции — это шум. Вы должны слышать сигнал.

Сеня не ответил. Посмотрел на свои записи. Подумал: а если это не шум? А если это самое важное?

Вечером они собрались в ординаторской. Виктор Павлович подводил итоги.

— Карапетян, — сказал он. — Отличная работа. Чёткий анамнез, точный осмотр, правильный план. Вы молодец.

Денис кивнул. Спокойно. Как будто так и должно быть.

— Волкова, — продолжил лечащий врач. — Тоже хорошо. Выдержанно. Профессионально. Вы не отвлекались на лишнее. Это важно.

Кира улынулась.

— Спасибо.

— Волков, — Виктор Павлович посмотрел на Сеню. — У вас хорошие данные. Но вы слишком эмоциональны. Это мешает. Вы должны научиться отделять.

Сеня кивнул.

— Я постараюсь.

— Постарайтесь. Иначе выгорите быстро.

Они вышли. Кира шла рядом с Денисом, они о чём-то говорили, смеялись. Сеня шёл за ними, один. Думал о том, что Киру похвалили за то, что он считал потерей — за холодность, за дистанцию. А его поругали за то, что он считал главным — за то, что он чувствует.

Через неделю был тяжёлый случай.

Привезли женщину с острым аппендицитом. Нужно было срочно оперировать. Сеня был в отделении, когда её привезли. Видел, как она кричала от боли. Видел, как её муж стоял в коридоре, белый, как стена.

Денис подошёл к мужчине первым.

— Вашу жену прооперируют, — сказал он спокойно. — Это стандартная операция. Риск минимальный. Через неделю она будет дома.

Мужчина посмотрел на него.

— А если... а если что-то пойдёт не так?

— Не пойдёт, — сказал Денис. — У нас хорошие хирурги. Всё будет хорошо.

Мужчина выдохнул. Кивнул. Сел на скамейку.

Сеня смотрел на это и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Денис соврал. Он не может знать, что всё будет хорошо. Никто не может.

Он подошёл к Денису, когда тот отошёл.

— Ты почему сказал, что всё будет хорошо?

— Потому что это успокаивает.

— Но ты не знаешь.

— А он не должен знать. Ему нужно успокоиться. И я его успокоил.

— Но это ложь.

— Это не ложь. Это то, что нужно сказать.

— А если что-то пойдёт не так?

— Тогда будем разбираться. А сейчас нужно, чтобы муж сидел и ждал спокойно.

Сеня не ответил. Пошёл в коридор.

Через два часа женщину увезли в операционную. Муж всё ещё сидел на скамейке. Сеня подошёл к нему.

— Как она? — спросил мужчина.

— Операция началась. Всё идёт по плану.

— А вы уверены, что всё будет хорошо?

Сеня посмотрел на него. Подумал. Вспомнил Дениса. Вспомнил Звягинцеву, которая сказала правду дочери пациентки с инсультом.

— Я не могу вам это обещать, — сказал он. — Но я могу сказать, что хирурги делают всё, что могут. И что мы будем рядом.

Мужчина посмотрел на него.

— Спасибо, — сказал он. — За честность.

Сеня кивнул. Пошёл дальше.

В коридоре его встретил Денис.

— Ты что ему сказал?

— Правду.

— Ты идиот, Волков. Ты его напугал.

— Нет. Я его успокоил.

— Как?

— Тем, что был честным.

Денис покачал головой.

— Ты не понимаешь. Люди не хотят правды. Они хотят надежду.

— А если надежды нет?

— Тогда ты даёшь её. Даже если её нет.

— Это ложь.

— Это милосердие.

Сеня молчал. Он смотрел на Дениса и думал: может, он прав? Может, ложь — это милосердие? А правда — жестокость?

Но он не мог. Не хотел. Не умел.

Март принёс дожди и ветер. Город стал серым, мокрым, неудобным. В общежитии протекала крыша на пятом этаже, и студенты переставляли тапки, ругаясь и смеясь. Сеня ходил на лекции, на семинары, на практику. Зубрил по ночам. Рисовал в тетради. Думал.

Он думал много. Слишком много. О том, что сказал лечащий врач. О том, что сказал Денис. О том, что Кира получает похвалы за то, за что его ругают. О том, что он чувствует слишком много и не умеет это выключить.

Однажды вечером он сидел в библиотеке. Пытался читать учебник по патофизиологии, но слова не складывались в смысл. Он закрыл книгу, достал тетрадь. Начал писать.

"Я не знаю, кто прав. Денис говорит — нужно давать надежду, даже если её нет. Лечащий врач говорит — нужно быть холодным. Кира умеет. А я — нет. Я чувствую. И это мешает. Или помогает? Я не знаю."

Он писал быстро. Слова приходили сами.

"Может, я не создан для этого? Может, мне нужно уйти? Пока не сломался?"

Он не заметил, как рядом кто-то сел.

— Ты опять пишешь.

Тоня. Она села напротив, посмотрела на него. Тихая, как всегда. В очках, с короткими тёмными волосами. Пахла чем-то тёплым — может, чаем, может, книгами.

— Не могу иначе, — сказал он.

— Что не можешь?

— Думать иначе.

Она посмотрела на него. Молчала. Потом сказала:

— Расскажи.

И он рассказал. Про мужчину с гастритом, которому он подал стакан воды, а лечащий врач сказал, что это лишнее. Про женщину с аппендицитом. Про Дениса, который соврал мужу ради спокойствия. Про Киру, которую хвалят за холодность. Про то, что он чувствует слишком много и не умеет это выключить.

Тоня слушала. Не перебивала. Не давала советов. Просто слушала, глядя на него своими тёмными глазами.

Когда он закончил, в библиотеке было тихо. За окном шёл дождь, капли стучали по стеклу.

— А ты думаешь, есть один правильный ответ? — спросила она.

— Не знаю.

— Его нет.

— Почему?

— Потому что каждый человек — это отдельная история. И для каждой истории — свой ответ. Для того мужчины с гастритом — нужен был стакан воды. Для мужа в коридоре — нужна была честность. Для Дениса — нужна была надежда. Для Киры — нужна дистанция.

— А для меня?

— Для тебя нужна правда.

Сеня молчал.

— А если правда ранит?

— Тогда ты ранишь честно. И это лучше, чем лгать красиво.

Он посмотрел на неё.

— Тоня, а ты почему такая?

— Какая?

— Такая... понимающая.

Она улыбнулась. Тихо. Грустно.

— Потому что я тоже сломана. Просто давно. И научилась жить с этим.

— Как?

— Не знаю. Просто — живу.

— А больно?

— Всегда. Но привыкаешь.

— Это утешает.

— Не должно утешать. Должно напоминать, что ты жив.

Сеня молчал. Дождь за окном усилился. Капли бежали по стеклу, как слёзы.

— Знаешь, — сказала Тоня, — я долго думала о том, что такое трещины. В человеке. И поняла одну вещь.

— Какую?

— Трещины — это не поломка. Это рост. Дерево трескается, когда растёт. Кость трескается, когда становится крепче. Человек трескается, когда чувствует то, чего раньше не чувствовал.

— А если трещина станет слишком большой?

— Тогда ты станешь рекой. А река — это не поломка. Это путь.

Сеня смотрел на неё. Не знал, что сказать. Потом сказал:

— Ты странная, Тоня.

— Я знаю.

— Это хорошо.

— Может быть.

Они помолчали. Дождь за окном стихал. В библиотеке зажигались лампы, одна за другой, и свет становился тёплым, жёлтым, уютным.

— Ты не один, Сеня, — сказала она тихо. — Помни это.

— Я помню.

— Хорошо.

Они посидели ещё немного. Молча. Не потому что нечего было сказать. А потому что некоторые вещи не нуждаются в словах.

Потом Тоня встала.

— Пойду. Завтра рано.

— И я.

Они вышли из библиотеки. На улице было свежо после дождя. Лужи блестели в свете фонарей. Воздух пах мокрой землёй и чем-то весенним.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи.

Она пошла к своему общежитию. Сеня — к своему.

Он шёл по мокрому асфальту и думал: может, она права. Может, трещины — это не полонка. Может, это рост. Может, он не сломан — он просто растёт.

А может, и сломан. Но даже сломанное дерево продолжает расти.

Он поднял голову. Небо после дождя было чистым, и звёзды горели ярко, как будто кто-то специально зажёл их для него.

Он улыбнулся. Впервые за долгое время — просто так. Без причины.

И пошёл домой.

В комнате Максим уже спал. Игорь курил у окна.

— Ты чего такой поздний? — спросил он.

— В библиотеке был.

— С Ржевской?

Сеня посмотрел на него.

— А ты откуда знаешь?

— Видал я вас. Вместе ходите.

— Мы просто разговариваем.

— О чём?

— О жизни.

Игорь усмехнулся.

— Философы.

— Может быть.

— Ладно. Спи. Завтра рано.

Сеня лёг. Посмотрел в потолок.

Думал о Тоне. О её словах. О трещинах и реках. О том, что он жив.

Засыпая, подумал: может, я не сломан. Может, я просто учусь жить с трещинами. Как дерево. Как кость. Как человек.

И он был прав.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.